

Диана Рымарь

ИДЕАЛЬНЫЙ БРАК
по версии Волкова

Отличные

Диана Рымарь

**Идеальный брак
по версии Волкова**

«Диана Рымарь»

2019

Рымарь Д.

Идеальный брак по версии Волкова / Д. Рымарь — «Диана Рымарь», 2019 — (Отличные)

Я сделал для нее все... Не бросил, когда она залетела и пришла ко мне каяться. Поселил в отличном доме, обеспечил, заботился, замуж взял. В конце концов, я выкупил ее у психов-родичей за три миллиона! Она в декрете вообще ни дня не работала, жила себе, в ус не дула. А она что? Смеет угрожать мне разводом! И главное – причина смешная. Разве с хорошим мужем разводятся из-за одной паршивой измены?

Содержание

Часть 1. Куда приводят чужие мечты	5
Глава 1. Если делаешь что-то плохое, делай это хорошо	5
Глава 2. Уж на сковородке	8
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Диана Рымарь

Идеальный брак по версии Волкова

Часть 1. Куда приводят чужие мечты

Глава 1. Если делаешь что-то плохое, делай это хорошо

Суббота, 27 мая 2017 года

11:00

– А ну пошла вон! – тихо ругнулась из укрытия Дарья.

Она спряталась в прилегающей к ресторану подсобке.

В двери помещения было небольшое оконце, через которое легко просматривался весь зал. К нему-то и прилипла.

Объект наблюдения, высокий блондин в бежевых шортах и майке, сидел в дальнем углу, причем еще минуту назад сидел один. Даше хотелось, чтобы так оно и оставалось. Симпатичная брюнетка, подсевшая за его столик, могла спутать все карты. Сегодня вокруг него никто виться не должен, кроме, конечно, самой Даши.

Она знала, что блондина зовут Игнат Волков и сегодня ему исполнилось тридцать. Невелика тайна, учитывая, что вот уже четвертый год подряд он отмечал день рождения здесь. Приезжал в Дивноморское на три дня, непременно останавливался в гостинице «Отличная», где Даша жила и работала. Выбор места неудивителен. «Отличная», может, и не самая крупная гостиница в округе, зато номера просторные и удобные, к тому же красиво обставлены. Не чета остальным.

Игнат проводил время, плавая, отсыпаясь и дегустируя новые блюда в ресторане на первом этаже. Иногда ужинал с какими-то друзьями из местных. Уезжал утром четвертого дня и до следующего года не возвращался.

В этом сезоне Дарье полагалось помогать на кухне. Раньше она прибирала номера вместе с остальными приемными девочками. При удочерении семья Габарашвили предлагала кров, одежду, какое-никакое подобие родительской любви, но за это требовала помощи в содержании гостиницы.

Даша не имела ничего против трудовой дисциплины. Да, здесь было строго, но сытно и, что ни говори, весело. Сделала дела и беги на море, благо гостиница располагалась почти у самого пляжа. Дядя Азамат покатает на лодке, позволит поплавать в открытом море, понырять с маской и трубкой. Или же можно просто позагорать.

Там же, на пляже, Даша с Игнатом и познакомилась. Это случилось в первый год жизни в семье Габарашвили и, соответственно, в гостинице «Отличная». Ранним утром Даша гуляла возле моря, оступилась и сильно стукнулась коленкой. Игнат в тот день по своему обыкновению поднялся ни свет ни заря и отправился плавать. Когда Даша закричала, он как раз выходил из моря. Увидел, что случилось, и сразу направился к ней.

Пока Даша наблюдала за его приближением, даже про больную коленку забыла. Он напоминал Патрика Суэйзи из той самой сцены в «Грязных танцах», где тренировался с Бэйби прямо посреди озера. Разве что носил гораздо более короткую прическу.

Игнат показался ей невероятным. Высокий, крепкий, с глазами цвета неба и сочувственной улыбкой... Имей она такую возможность, каждый день смотрела бы на него часами.

Тогда, в свои тринадцать с хвостиком, Даша выглядела еще совсем ребенком, низкорослым и неуклюжим. Именно как ребенка он ее и воспринял. Занес в гостиницу, сдал с рук на

руки отцу Авзурагу, велел быть аккуратнее. Разве что щеку пальцами не потрепал, как делают с совсем маленькими детьми. Только Даша-то успела повзрослеть давным-давно – биологические родители постарались.

Потихоньку Дарья возвела Игната чуть ли не в ранг героя и в мечтах всячески лелеяла его образ. Тем летом бесконечно ждала, что он снова появится. Только в тот сезон Волков больше не вернулся, а следующей весной не узнал ее. Последнее, впрочем, неудивительно. К четырнадцати Даша избавилась от подростковой сыпи, отрастила волосы. Фигура ее тоже претерпела значительные изменения. Из худосочной девчушки она превратилась почти в девушку. Где надо округлилась и продолжала хорошеть.

В тот год, едва встретив его, Даша вежливо поздоровалась, хотела заговорить, но запнулась на полуслове. Больше на такой отважный поступок не решалась. Если видела Игната, ограничивалась кивком и стремилась скрыться, а после наблюдала издали, как сегодня.

К семнадцати Даша успела обзавестись разными прелестями, такими как коса толщиной в кулак и длиной чуть ли не до талии, грудь третьего размера, плюс несколько сантиметров к длине ног, и того доросла до целых метра шестидесяти. Голос стал женственным, походка тоже. Черноглазая, с волосами цвета горького шоколада и загорелой кожей девушка теперь нередко ловила на себе взгляды мужчин.

Игнат же за прошедшие четыре года нарастил небольшое брюшко, и волосы впереди немного поредели, но в целом оставался таким же красавцем. Даша недостатков в нем и вовсе не заметила.

– Слава богу, – выдохнула она, увидев, как брюнетка отошла от столика Игната.

В этом году Даша ждала его появления с особым трепетом. Он был ей очень нужен для кое-чего, на что еще неделю назад ни за что не решилась бы.

Это «кое-что» задумала попробовать именно с ним. Услышала в каком-то сериале фразу «Если делаешь что-то плохое, делай это хорошо».

И решилась. По крайней мере, первый любовный опыт у нее будет такой, какой хочет она.

Мысли вроде «а вдруг он меня не захочет?» Даша давила в зародыше – так же, как и мысли о том, что делать это вообще не нужно.

Для такого случая она даже приобрела прехорошенький комплект нижнего белья, состоявший в основном из серебристого кружева – нежного и тонкого, словно паутинка. Еще купила черное короткое платье без рукавов. Магазин попался хороший, но уж очень дорогой. Пришлось выложить львиную долю накопленного – честно утаенных чаевых, которые постояльцы оставляли в номерах за уборку.

Может, в зарубежных странах оставлять чаевые горничным – практика распространенная, по крайней мере так показывали в фильмах. В России же об этом явно не слышали, ну, или успешно делали вид, что не слышали. Соответственно, и накоплений у девочек было – кот даже не заплакал, а так, разок всхлипнул.

Габарашвили совсем не давали дочерям денег. Узнай они про чаевые, и их забирали бы. Если девочкам чего-то хотелось, следовало обратиться к родителям, а уж те решали, надо ли. Посмей Даша попросить красивый комплект белья, да еще и платье, те уж конечно решат, что не надо. И к гадалке не ходи. Они всегда отвечали «нет» на просьбы о красивых нарядах. Держали девочек в скромности, хотя мама Марисоль одевалась с иголки. Частенько говорили, мол, выйдешь замуж, тогда и разоденешься. Кто ж знал, что, по их мнению, Даше, например, надлежало выйти замуж уже этой осенью.

Правда, одну из сестер замуж уже выдали. Самую старшую, Ольгу. Но Даша думала, то случай особый, и оказалась совершенно не готова к такому повороту событий.

Жениха ей тоже уже выбрали. Не Игната, разумеется. Баграда Бедоидзедролли... Язык сломаешь, пока фамилию выучишь. Хочет ли она замуж, спросить, естественно, забыли.

«Ты очень понравилась Баграду. Такая чистая, невинная девушка...» – вещал крайне довольный собой папа Авзураг.

Тут-то он и просчитался. Невинной Даша оставаться не собиралась.

Ночью она проберется в патио к Игнату, откроет дверь. Ключ уже приготовила.

Если Игнат будет спать... Ну что ж, ему придется проснуться. Если же нет... Даша решила действовать по ситуации.

Глава 2. Уж на сковородке

Семь лет назад:

Суббота, 21 мая 2010 года

14:30

Есть хотелось жутко. Кто только придумал эти субботники... Явно лентяи, не желавшие убирать самостоятельно.

Даша бежала из школы вприпрыжку. Мечтала о пирожках, которые мама обещала испечь, пока девочка вместе с одноклассницами будет драить парты. Однако вбежав в коридор старенькой хрущевской двушки, никакого «пирожкового» аромата не учуяла. Раньше, бывало, только в подъезд зайдешь, а запах прям нос ласкает. Хочется взять по два в каждую руку и кусать каждый по очереди.

«Странно», – подметила она про себя. Разулась и отправилась на кухню.

Справедливо рассудила: запах мог и выветриться. Ведь видела, как мама утром бегала на рынок, принесла муку и молоко. Клубничное варенье для пирожков они наварили еще вчера. Правда, кисловатое, сахара не хватило, но это уже детали.

– Мам, ты дома? – крикнула вглубь квартиры девочка, методично обшаривая кухню.

Стол, полки и холодильник продемонстрировали полнейшее отсутствие чего-либо печеного, и Даша расстроилась.

– А что, пирожков нет? – заканючила она, найдя маму в зале.

– Не получилось тесто, доча, – отозвалась та.

Женщина сидела в стареньком кресле, поджав ноги, и бездумно водила пальцем по вышивке на декоративной подушке. Глаза красные, руки подрагивали, как бывало, когда она сильно понервничает. Да и не верилось Даше, что у мамы вот так вдруг могло не получиться тесто. Раньше всегда получалось, если папа не начинал ругаться с ней в процессе. Иногда даже готовое тесто опрокидывал на пол.

– Он опять пришел пьяный? – спросила Даша почти утвердительно.

Отец работал ночным сторожем в детском саду и нередко закладывал за воротник прямо на работе, являясь домой уже во всей красе. Как будто мало ему выходных.

– Ты, наверное, голодная, – перевела тему женщина и стала подниматься. – Пойдем, в холодильнике остался суп.

В животе у Даши забурлило больше прежнего.

– Суп так суп, – решила она не расстраивать маму.

Тут девочка поняла, что в комнате чего-то не хватает. Огляделась. Вроде все как всегда. Старенькая стенка, диван, кресло, стол, стеклянная полка под телевизор...

– Стоп! А где телик? – громко воскликнула Даша.

Мама лишь поморщилась. Видимо, уже успела пережить утрату.

– Папа унес, сказал, Совельниковым нужен.

– Совельниковым нужен, а нам не нужен?! – еще громче завопила Даша.

Женщина улыбнулась грустно-грустно.

– Папа обещал, что с зарплаты купит новый. Этот продал, пока брали.

Даша только губы поджала. Четко поняла, что нового телевизора им не видать, а мама просто пыталась ее успокоить. Но пережить потерю любимого друга, пусть и старенького, и барахлащего, не так-то просто. Ведь даже самого плохонького компьютера или телефона с доступом в интернет у девочки не было. Телевизор – ее единственное окно в большой мир.

– Скучно же без телика! – запричитала она.

Мать только покачала головой и повела Дашу на кухню.

– Почему ты с ним не разведешься?! – после недолгого молчания воскликнула Даша. – Он же тебе только нервы мотает и ничегошеньки хорошего нам не делает!

Женщина глянула на нее с испугом. Видно, не ожидала такого услышать. Помолчала, отвернулась к плите.

– А случись что со мной? – нашла она аргумент. – Кто о тебе позаботится?

Даша открыла рот, потом закрыла, нахмурилась. Бурная юношеская фантазия тут же нарисовала картину жизни с папой на пару. Нарисовала и тут же стерла, уж больно картина получилась мрачной, местами даже жуткой.

– Мам, ты уж постарайся никуда не деваться, ладно?

– Папа бросит пить, он мне обещал, – в который раз попыталась она вернуть дочери веру в мужчину, которого выбрала себе в мужа.

Пять лет назад:

Суббота, 26 мая 2012 года

23:00

«Наверное, домой уже можно», – прикинула Даша, глянув на экран старенького поцарапанного кнопочного телефона.

Хотелось есть, хотелось спать, в душ тоже безумно хотелось.

Эх, как бы было хорошо, приди она домой, а там вдруг никого... Но такого счастья не предвидится. Папаша в очередном запое. Наверняка уже разлегся в зале и изо всех сил заполняет квартиру запахом перегара. К одиннадцати он почти всегда уже доходил «до кондиции». Именно по этой причине Даша теперь являлась домой все позже и позже, не хотела даже мельком с ним пересекаться. Дело это было до чертиков неприятным и к тому же опасным. После школы гуляла с подругами, сидела у кого-нибудь в гостях. Когда становилось поздно, шла как будто домой, но вместо этого отсиживалась в парке на детской площадке. Там построили чудный домик для малышни: с окнами, столом, скамейкой. На скамейке могла и прикорнуть, правда, лежать было не слишком удобно.

Даша смеялась, вспоминая, что когда-то ее так расстроил исчезнувший телевизор. Теперь в их крохотной двушке вообще ничего более-менее годного на продажу не осталось. Самое обидное, еды там тоже теперь почти никогда не водилось. Если отец уходил в запой, Даша питалась в основном у подружек. Иногда соседка угощала ее нехитрыми вкусностями: блинами и густым красным борщом.

Такое подвешенное существование Даши продолжалось уже три месяца, с тех пор как отец снова начал крепко пить. После смерти матери он и правда завязал, только продержался всего полгода. Потом как с цепи сорвался и обратно на цепь, похоже, уже никогда и не сядет.

Даша дико скучала по маме: по ее объятиям, тихому нежному голосу, по той прошлой жизни, где все еще было нормально и домой можно возвращаться, когда хочется, а не когда отец успеет уснуть. Мама истаяла так внезапно, что Даша и понять ничего не успела. Началось с того, что женщина стала очень сильно уставать и больше почти ничего не могла делать. Почему-то ее мучили боли, и она горстями пила таблетки. Домой начали наведываться какие-то врачи. Даше никто ничего толком не объяснял. Потом маму забрали.

Отец тогда почти не пил, навещал маму сам. Говорил Даше, что мама скоро вернется домой, что надо просто чуть-чуть подождать. Врал, как выяснилось. Больше Даша маму не видела. Из больницы та не вернулась.

Отец пытался объяснить Даше, что маму съел рак. Никто в ее окружении этим недугом никогда не страдал. Поначалу девочка даже не поняла, что это болезнь. Подумала, что в больнице просто завелся какой-то огромный рак и начал есть пациентов. Как раз за день до того она посмотрела вместе с подругой фильм «Анаконда», поэтому представить гигантского рака труда не составило. Даша закатила истерику и потребовала, чтобы отец вызвал полицию. Пусть

поедут в больницу и разберутся, почему там раки сжирают пациентов. Сообразив, что девочка его не поняла, отец объяснил ей все по-человечески, только легче Даше от этого не стало.

То был страшный период для Даши. Жизнь ее с тех пор и до сего момента так и не наладилась.

Открыв входную дверь, девочка мышкой проскочила по коридору и заглянула в гостиную. Отец действительно храпел на диване. Только в комнате находился не он один. Двое из его новых дружков, тех, что одеты как попало и вечно ходят с красными лицами, еще сидели за столом.

С тех пор как Даша пыталась здесь прибраться в последний раз, комната значительно изменилась. Какая там гостиная, свинарник – вот подходящее для нее название. На столе громоздились бутылки, одноразовые стаканы, пластиковые тарелки, полные окурков и рыбьих костей. Отец времени даром не терял, каждый день украшал помещение новым мусором. Запах там стоял соответствующий, сшибал с ног еще с порога.

Один из мужчин, что трезвее, заметил Дашу, заулыбался как-то особенно неприятно, похлопал себя по коленке и проскрипел:

– Заходи, деточка, садись! Дядя Слава тебе принес шоколадку.

При слове «шоколадка» у Даши началось непроизвольное слюноотделение. Она поискала взглядом обещанное лакомство, но не увидела. Дядька мог и соврать, с него станется.

Словно прочитав ее мысли, папин друг достал из внутреннего кармана маленькую плитку «Аленки». Слюнок у Даши во рту прибавилось значительно. Но ей было двенадцать, а не семь, и она примерно представляла, зачем этот краснолицый купил ей шоколадку. Этот тип уже пытался пару ночей назад пробраться к Даше в спальню. Ей повезло, что тогда не спала и чисто инстинктивно спряталась под кроватью. Ушел он из ее спальни очень недовольный. Теперь, видимо, решил ловить на живца.

– Хочешь? – Краснолицый призывно помахал шоколадкой.

Ох, как Дарья эту шоколадку хотела... Могла бы съесть вместе с оберткой!

– Не, спасибо! – пропищала она и бросилась вон из квартиры.

Щеки ее покраснели.

– Сволочь... – бросила она ругательство в пустоту ночи и понеслась куда глаза глядят. Поняла, что домой сегодня лучше не возвращаться.

Бежала минут десять. Сама не поняла, как очутилась в парке. Место уже давно обезлюдело, лишь несколько уличных фонарей разгоняли темноту.

«Посплю в домике», – решила Даша.

Только повернула в нужном направлении, как позади раздался шум двигателя машины. Та ехала медленно, словно водитель кого-то высматривал. Ночь выдалась прохладная, а оделась Дарья слишком легко, но зубами застучала отнюдь не от холода. Ей не понадобилось много времени, чтобы понять, что высматривают ее.

Вскоре машина остановилась, из нее вышли двое мужчин и направились вслед. Еще и фонари с собой прихватили.

– Стой! – скомандовал один зычным басом.

Не тут-то было. Выяснить, зачем ему понадобилась, Дарья не стала. Подстегиваемая животным страхом, предпочла дать деру. Так быстро девочка, наверное, еще никогда в жизни не бегала, но и преследователь тоже оказался не промах. Без труда вычислил, куда Даша бежала, и перехватил ее по дороге.

– Ой, ой, ой! – закричала девочка, когда он вцепился ей в руку выше локтя.

– Ты почему в парке одна так поздно? – пробасил строго.

– Тебе какая разница! – огрызнулась девочка. – Отпусти руку, горилла!

– Я тебе щас такую гориллу покажу! – И «горилла» потащил девочку к машине. – Посидишь у меня в обезьяннике, пока родители не заберут. Будешь знать, как полицейским хамить!

– Ой, вы полицейский? – расцвела надеждой Даша.

– А ты чего так обрадовалась? – нахмурил брови хранитель правопорядка. От удивления даже ее руку выпустил.

Она внимательнее пригляделась к возможному спасителю. Он был в темных брюках и футболке. Ни тебе полицейской формы, ни погонов. Эх, в ночном полумраке все равно толком не разглядишь. Придется верить на слово.

– А вы можете выгнать из дома одних типов? – спросила Даша, немного подумав.

Полицейский снова нахмурил брови, прищурился.

– Сможем, к чему вопрос?

Даша воспрянула духом. Если отцу его «гости» спать не мешают, то Даше лично очень мешают. Может, если их погонят полицейские, они вообще потом побоятся приходить. Как здорово будет никогда в жизни больше не видеть того красномордого, что расщедрился на шоколадку! Неплохо бы проучить еще и самого виновника Дашиных мучений.

– А вы можете папу тоже забрать? Достал, сил нет! У вас же есть эти... Как их там... О, вырезвители! – Даша наконец вспомнила нужное слово.

Полицейский еще больше нахмурился. Коротко бросил:

– Разберемся! – И повел Дашу к машине.

К слову, машина действительно оказалась полицейская. Мигалка, правда, не работала. Заметь Даша это раньше, не пришлось бы наматывать круги по парку. Второй мужчина оказался еще серьезнее того, что за ней гонялся. Выглядел очень раздраженным.

– Вы точно поможете? – на всякий случай уточнила Даша.

– Конечно, – не раздумывая ответил первый. Потом стал ее расспрашивать об отце.

Полицейский не помог. Точнее, помог, но совсем не так, как Даше хотелось бы. Уже на следующий день в квартиру явился соцработник. Вскоре отца лишили родительских прав, а Дарья оказалась в детдоме.

Пятница, 15 июня 2012 года

01:30

– Да спит она... – раздался тихий шепот почти у самой Дашиной кровати.

– Ладно, подожди, если что, поддержишь, а я... – другой шепот, уже громче прежнего.

Голоса казались знакомыми.

«Светка с Надькой», – подумала Даша.

Сразу не сообразила, явь или сон. Она прожила в приюте всего неделю, но кошмаров про эту парочку видела уже достаточно.

Очень надеялась, что все-таки сон. Потому что если нет, то гадать, зачем они пришли, не нужно. Пожаловали за серьгами – теми самыми, что не смогли получить от нее ни уговорами, ни шантажом. Даже побить грозили, только Даша не из пугливых.

Серьги-гвоздики с утопленными в крошечных золотых островках искусственными жемчужинами. Стоят сущие гроши, но цена и ценность – разные вещи. Эти серьги Даше подарила мама. Последний подарок из спокойной жизни, где не было места таким словам, как рак, смерть, сирота.

К сожалению, для здешних девчонок Дашины серьги тоже не копеечное украшение. Здесь ни у кого ничего золотого не водилось.

В этот момент скрипнула половица.

«Не сон», – при этой мысли надпочечники Даши впрыснули в кровь такое количество адреналина, будто полжизни копили.

Почувствовав, как натянутое по самую макушку одеяло скользит вниз, напряглась, приготовилась резко шмыгнуть между этими двумя и бежать напрямик к двери. Однако Надька поняла, что Даша не спит, раньше, чем та успела проверить свой маневр.

– Светка, давай! – скомандовала Надька и навалилась на девочку всей своей массой. На несколько лет старше и с широкой костью, как сама любила говорить, она весила раза в полтора-два больше Даши. А если верить ощущениям девочки, то во все десять.

– Слезь, сволочь! – змеей зашипела Даша.

– Голову держи! – рявкнула Светка.

Не успела Даша охнуть, как Надя залезла прямо на нее и коленом уперлась ей в челюсть. Зафиксировала голову так, что и на сантиметр не сдвинешь. Пальцы Светки тем временем совсем не деликатно пытались сорвать застёжку с серьги.

«Никогда их не снимай! Они тебе страсть как идут!» – любила повторять мама.

Даша не снимала и не снимет...

Руки спеленаты одеялом, корпус и голова надежно и больно обездвижены, но вот ноги... О них как-то все забыли. Надьку в таком положении достать не получилось бы, зато Светку запросто. Даша изловчилась и лягнула ее изо всех сил, на какие оказалось способно ее миниатюрное тело. Оказалось, сил у Даши не так-то и мало.

– А-а-а! – завизжала Светка, схватившись за ногу.

Такой вой должен был разбудить всех четырех соседок Даши по спальне. Только те и без того вряд ли спали, а на помощь идти и не собирались. Здесь новеньких не очень-то жаловали. Особенно если эти новенькие делиться серьгами не желали.

– Сука! – взвыла Надька и вдавила колено в горло Даши.

Шее стало нестерпимо больно, зато удалось высвободить из-под одеяла руку. Не думая ни секунды, Даша нащупала голое бедро Надьки и что есть дури впиалась в него ногтями, рванула вниз с такой силой, что чуть эти самые ногти в теле мучительницы не оставила.

– А-а-а! – завизжала та что есть мочи и спрыгнула на пол.

Глотнув воздуха раз-другой и потеряв шею, Даша спрыгнула на другую сторону кровати.

– Ну все, ты нарвалась по полной! – зашипела коброй Светка и ринулась к девочке напрямиком через кровать.

Даша попыталась, да только пятиться ей было особо некуда. Сзади приставленный к стене деревянный стул, и все.

«Стул!» – мелькнула в голове кровожадная мысль.

Его-то Даша и схватила, подняла над головой и опустила на успевшую подобраться совсем близко Светку. Та охнула, осела на пол.

Даша не видела, куда угодила деревянными ножками стула, да и все равно об этом даже не задумалась. А ведь раньше жестокостью не отличалась, с одноклассниками не дралась, дома, понятное дело, тоже вела себя мирно. Зато теперь сама себя испугала. Серые детдомовские стены будто пробудили в ней древние инстинкты.

– Сука... – зарыдала на полу Светка.

Даша и ухом не повела, все всматривалась в темноту, выжидая, когда свой ход сделает Надька. Та не спешила. Точнее, не спешила подходить. Даша вскоре увидела, как крупная фигура мучительницы по стеночке движется к выходу и исчезает в коридоре.

– Вали! – гаркнула Даша Светке. – Еще раз увижу в моей спальне, забью!

Для пущей убедительности снова замахнулась стулом. Только это уже было лишним, поскольку Светка и без ее грозного рыка уже поднялась на четвереньки и весьма бодро поползла к выходу.

Четыре года назад:

Понедельник, 6 мая 2013 года

09:15

– Вы не пьете? – с самым серьезным видом спросила Дарья, рассматривая высокого крепкого мужчину ярко выраженной кавказской наружности.

Дашина серьезность его позабавила, но он отдал ей должное и честно ответил на вопрос: – Только по праздникам и только немного вина, которое до сих пор делает мой дед. Виноград сами растим, ты все увидишь! Будешь называть меня папа Авзураг, – он указал рукой сначала на себя, потом на женщину, что сидела рядом с ним, – а жену мою – мама Марисоль.

Женщина эта Даше понравилась сразу. Глаза добрые, улыбка открытая. Еще очень понравилось ее платье – длинное и зеленое, как весенняя трава. Сочный зеленый цвет Даша любила больше всего. Это платье хотелось потрогать, примерить, забрать себе. А сколько на женщине украшений... На каждом пальце по кольцу или два. Видно, что дорогие. И серьги большие, тяжелые.

Даша рассудила просто: раз на Марисоль столько украшений, значит, Авзураг не забирает их у нее, чтобы продать, а наоборот, дарит. Значит, в семье есть любовь и достаток. Даше именно об этом и мечталось долгими одинокими ночами. Кроме того, Габарашвили оказались единственной семьей, которая захотела удочерить Дарью. Для девочки ее возраста найти семью вообще большая удача.

Это было первое и единственное собеседование с предполагаемой будущей семьей за весь год с небольшим, что Даша прожила в детдоме. Когда позвали к директору и оставили одну с этой парочкой, она сначала струсилась. Теперь уже не боялась, наоборот, хотела лучше узнать этих людей. Впитывала каждое сказанное ими слово, анализировала, просвечивала взглядом.

– Будешь жить вместе с нами при гостинице, – тем временем продолжал Авзураг. – У тебя будет сестра Ольга...

Голос уверенный, сильный. Человеку с таким голосом хотелось верить.

– А зачем вам меня удочерять? – все-таки решила задать больной вопрос Даша. Он разжедал рот перцовой горечью и просился наружу с самого начала. – Я же взрослая и совсем на вас не похожа.

Этим Даша намекнула на национальность семьи Габарашвили, но сказать прямо постеснялась. Тем не менее мужчина ее понял.

– В нашем сердце найдется место для каждого. Какая разница, русская или осетинка, как наши предки. Тем более что для тебя, Дашенька, мы место уже выделили. И в сердце, и в доме. Ну что, согласна?

Даше именно этого и хотелось. Чтобы нашлось место, где она смогла бы спокойно жить, чтобы ее окружали люди, которым можно верить, которые хотят ее любить. Как только она себе все это представила, в горле образовался ком размером с теннисный шар. Говорить стало совершенно невозможно, поэтому она просто кивнула.

Три года назад:

Пятница, 23 мая 2014 года

05:15

– Вставай, вставай, штанишки надевай! – пел над ухом у Даши противный голос.

Она открыла правый глаз и тут же закрыла, убеждая себя, что просто послышалось. Кажется, вообще прикорнула лишь на минуточку. Не могла ночь так быстро пролететь, просто не могла, и все тут!

– Вставай, вставай, штанишки надевай! – запел голос еще громче.

Даша снова открыла глаз, на этот раз левый. Тот закрылся гораздо быстрее правого, причем без всяких усилий с ее стороны.

– Вставай, вставай, штанишки надевай! – теперь голос просто верещал.

На этот раз Дарья открывать глаза вообще не стала. Какой смысл, все равно закроются.

– Вставай, вста... – вместо привычного продолжения раздался громкий шмяк.

Засоня аж подпрыгнула от неожиданности. Тут уж оба глаза открылись сразу.

Надежда на то, что можно еще поспать, упорхнула со скоростью реактивного самолета. Во-первых, солнечные лучи уже воевали со шторой, непрозрачно намекая, что пора бы их впустить. Во-вторых, и это было значительно хуже, от воя Дашиного будильника проснулась Ольга. Именно ее тапок успокоил будильник, похоже, уже навсегда. Тот слетел с тумбочки и теперь валялся на полу в виде нескольких частей.

В это мгновение подушка с одеялом снова поманили Дашу к себе. Обещали, паршивцы, неземное блаженство. Как тут не поддаться...

– Даже не думай! – пробурчала все та же Ольга. – Твоя очередь готовить завтрак. Марш на кухню!

Только произнесла это, как тут же бухнулась в кровать и сразу же отключилась. Остальные сестры даже ухом не повели.

Когда папа Авзураг в тот самый первый разговор в их жизни сказал Даше, что ей нашли место, Дарья грешным делом подумала, что он имел в виду отдельную комнату. Ан нет, совсем даже не комнату. То есть сначала это была огромная спальня на двоих с Ольгой, которая стала ей старшей сестрой. Но постепенно кроватей и тумбочек здесь прибавилось. Теперь их насчитывалось ни много ни мало восемь штук. Ее, Ольги и еще шести девочек возрастом от десяти до четырнадцати. Все из детского дома города-курорта Геленджика, что располагался неподалеку.

Зачем семье Габарашвили столько дочерей, Даша тоже поняла довольно быстро. Всех девочек от мала до велика привлекали к работе в принадлежавшей приемному отцу гостинице и ресторане, который располагался здесь же. Очевидно, удочерили их из чистой экономии. Дочерям ведь зарплату платить не надо, а помыкать можно, сколько душе влезет. Слава богу, гостиница оказалась не слишком большой, в общей сложности тридцать номеров разной величины и стоимости, но дел там все равно выше крыши. Девочкам скучать не приходилось: кто полы мыл, кто окна протирал, кто делал тесто для пирогов и так далее. Порядок надлежало соблюдать неукоснительно, и вставляли здесь ни свет ни заря.

Вообще в семье Габарашвили существовало множество самых разных обязанностей и правил. Например, все должны научиться готовить, да так, чтобы у дедушки Гозара появилось желание облизать пальчики; каждую комнату гостиницы должны содержать в идеальной чистоте, быть всегда приветливыми, причесанными и аккуратно одетыми. Это лишь малая часть того, что требовали приемные родители.

По поводу внешнего вида, кстати, существовало и другое негласное правило. Их всех одевали как под копирку: длинные черные или коричневые юбки в сочетании с розовыми, реже белыми блузами – вот и все разнообразие, на какое хватало фантазии у папы Авзурага. Дарья ничего не имела против черного, коричневого, белого, но розовый ей категорически не шел. Раньше в ее гардеробе цвет молочного поросенка и днем с огнем сыскать не получилось бы, теперь же приходилось таскать на себе розовую одежду почти ежедневно.

«Вас слишком много, если буду покупать разное, с ума сойду!» – приговаривал он, ода-ривая их обновками. Даже туфли, сапожки и босоножки – и те одинакового скучного фасона. Без каблука, понятное дело. Даше, как натуре творческой и ограничивать себя в красках или длине юбки не привыкшей, пришлось тяжело.

Показалось странным еще одно правило, по мнению Дарьи неприятное, хотя лично ее никак не касалось. Соблюдалось неукоснительно и называлось правилом «Бегемота». На двери в их спальню висела таблица с показателями веса, подходящего под определенные рост и возраст. Рядом приклеили картонную линейку с изображением разных африканских животных, в самом низу – бегемот. Каждый месяц отец Авзураг и мама Марисоль устраивали своего рода смотрины. Измеряли рост девочек, потом просили встать на весы. Если удочеренная весила меньше нормы, то все в порядке, а вот если больше... Не видать ей мучного и сладкого как минимум несколько недель.

Даша понимала, что дело совсем не в экономии еды. Ведь она, например, спокойно могла себе позволить съесть три куска пирога, запивая их сливками, никто и слова не говорил. Но в свои четырнадцать она весила всего сорок килограмм, что даже для ее метра пятидесяти было маловато. А вот Жене не разрешалось даже смотреть на мучное и сладкое, и молоко ей давали только однопроцентное. На вкус Даши это и не молоко вовсе – так, водичка.

С Женей вышел случай незаурядный.

До того как попасть в детдом, она жила в семье религиозных фанатиков. Сами Женины родичи, конечно же, себя фанатиками не считали и очень негодовали, когда их так называли, ведь они всего-то исправно молились, ходили в церковь и, само собой, соблюдали все православные посты. Надо уточнить, что как раз постам в семье уделялось особое внимание. Даже то, что в пост есть можно, выдавалось отцом семейства в очень маленьких, прямо-таки микроскопических количествах. Грубо говоря, семья Жени систематически голодала, разумеется, вместе с самой Женей. В остальное время рацион домочадцев тоже был весьма скромным. Так случилось, что после очередного Великого поста девочка оказалась в больнице, потом в детдоме, а затем в «Отличной». В детдоме хрупкой, почти прозрачной Жене отъесться никто не дал. В «Отличной» же продукты не считали, и Женя стала тянуть в рот все, до чего дотягивались руки, поэтому почти сразу начала стремительно круглеть. Это-то и привело к правилу «Бегемота».

Впрочем, кроме Жени, никто безвкусной диеты на себе так и не испытал.

Самым важным и, пожалуй, противным Даша считала правило беспрекословного подчинения. Слово отца Авзурага – закон, никто и никогда не должен с ним спорить. Даже мама Марисоль себе такого не позволяла. Кстати, ее тоже следовало слушаться без вопросов.

Дай волю, отец Авзураг мог бы написать толстенную книгу о том, что в семье можно делать, а что нельзя.

Первый год своего пребывания в «Отличной» Дарья жутко боялась сделать что-нибудь не так. Как следствие, превратилась в мисс Послушание. Потом такое поведение вошло в привычку, приросло, как вторая кожа.

Случалось, кто-то ленился, кого-то наказывали. Несмотря на все старания, Даше тоже иногда доставалось. Могли лишить ужина или даже выдать ремня. Зато, например, за пропущенный ужин на завтрак выдавали двойную порцию. Такое, по мнению удочеренной, «недоказание» не шло ни в какое сравнение с голодной жизнью, что она вела с отцом после смерти матери, или жизнью без вкусного, ведь в детдоме готовили одну несъедобную дрянь.

Если же Авзураг угощал ремнем, действовал совсем не так рьяно, как Дашин биологический отец. Тот, бывало, полоснет по спине так, что, казалось, еще чуть-чуть – и душу выбьет... И снова замахивается, пока строптивая дочь не успела удрать. Слава богу, был неповоротлив, поэтому, как правило, успевал ударить не больше двух раз. У Авзурага получалось больше обидно, чем больно, что в понимании Даши превращало ремень в такое же «недонаказание».

Да, жизнь в приемной семье оказалась совершенно не такой, как поначалу мечталось, но она благодарила судьбу и за то, что имела. Сводные сестры ни ремень, ни голодовку «недонаказаниями» не считали. Зато все соглашались, что здесь жилось в разы лучше, чем в детдоме.

Не было в «Отличной» места той мрачности и безысходности, что окружали их раньше. В месяцы межсезонья гостиница вообще превращалась для девчонок в рай на земле. Сестры расселялись по номерам и делали что захочется. В сезон, конечно, становилось туго, но по большому счету это всего три месяца. Весной, осенью или тем более зимой никто к Черному морю особо не спешил, следовательно, и обязанностей у девчонок оставалось немного.

Кроме того, приемных дочерей не только нагружали работой, но и учили разным интересным вещам. Например, в прошлом месяце девочки посещали курсы по подготовке праздников. Даша узнала множество способов, как украсить дом, не потратив при этом почти ничего, научилась делать гирлянды при помощи цветной бумаги, блесков и клея. До этого они посе-

щали курсы парикмахеров, где Даша неплохо научилась плести сестрам (а заодно и себе) косы, подстригать кончики. Мама Марисоль обещала, что осенью их вообще отправят на курсы визажа, и она лично купит всем косметику. Все девочки этого очень ждали. За такое можно и лето пробатрачить, не жалко.

Все бы хорошо, если бы не ежедневный подвиг – ранний подъем. Даша покидала спальню с видом обреченной на заклятие жертвы.

Бывало, как уснет на скамейке возле плиты... И получатся у нее на завтрак особые оладушки под названием «угольки». Жаль только, блюдо это особым успехом у домочадцев не пользовалось, хоть Дарья частенько готовила его, особенно поначалу.

Неделю назад:

Суббота, 20 мая 2017 года

11:00

– Даш, зайди в кабинет к отцу, – наведалься на кухню мама Марисоль. Осмотрела дочь критически и попросила: – Только загляни сначала к себе.

Сказала и тут же скрылась, ничего не объяснив.

В этот час Даша осталась на кухне одна. Для завтрака поздно, для обеда рано. Как раз время, чтобы замесить тесто для пирогов на вечер. Этим она и занималась. Дело свое знала и любила. Обычно ее в такие моменты не отрывали.

«Наверное, что-то важное», – подумала она и убрала тесто в кастрюлю.

Приказ заглянуть к себе не удивил. К отцу полагалось являться только в опрятном виде – явно не после того, как повоозишься с тестом.

Вообще Даша уже давно ждала, что отец позовет ее для серьезного разговора. Она окончила школу уже год назад, а родители и словом не обмолвились о поступлении. Впрочем, Даша о своем желании поехать учиться тоже молчала. Во-первых, желание было не очень большим, во-вторых, не знала, куда бы ей хотелось. Но проведя дома целый год, она заскучала и начала все активнее интересоваться дизайном одежды. Интернет пестрел идеями и разнообразными модными журналами. Даша завела себе альбом с рисунками и заносила туда свои идеи. Что-то заимствовала, что-то придумывала сама. Со временем поняла, что самой придумывать нравится гораздо больше, особенно если дело касается мужской одежды. Этому она и хотела бы поучиться. Начала мечтать о каком-нибудь колледже или училище. Присмотрела несколько вариантов. Набралась смелости и рассказала о своем желании Марисоль в надежде, что та донесет это до мужа. Приемная мать обещала посодействовать. Прошло десять дней, но до сих пор никаких новостей.

Может, наконец настал долгожданный момент?

Стащив с себя фартук, Даша бодрой рысью побежала к себе. Уже в ванной глянула в зеркало и удивилась, зачем же мама Марисоль отправила ее прихорошиться. Нигде даже мукой не испачкалась. Все прилично. На всякий случай Даша быстренько умылась, заново переплела косу, поправила одежду – очередную розовую блузу без рукавов и черную юбку в пол.

Оставшись собой довольна, Даша вышла из ванны и направилась к выходу, как вдруг в комнату зашел неожиданный гость. Зашел очень уверенно, как будто знал, куда идет. Сразу сконцентрировал все внимание на Дарье.

– Привет! – сказал гость низким, протяжным голосом. Оглядев Дашу с ног до головы, высокий мужчина растянул свои по-жабы тонкие губы в подобие улыбки.

Он вообще походил на лягушку: лицо лунообразное, глаза немного на выкате, из растительности на голове только кустистые черные брови. Непривлекательность лица немного компенсировала подтянутая спортивная фигура. Видно, что посетитель за собой следил и силы в нем много.

Было в семье Габарашвили и еще одно правило, которому надлежало подчиняться во что бы то ни стало. Девочкам запрещалось общаться с мужчинами или парнями-сверстниками. Исключение составляли только члены семьи и постояльцы гостиницы. С последними, впрочем, контакты тоже не поощрялись. Полагалось вежливо ответить, если что-то спросят, помочь, но не более. Бесед не затягивать, глазки не строить – в общем, вести себя скромно. К слову, понятие «скромно» у папы Авзурага было таким обширным, что под него могло попасть все что угодно. Даже с одноклассниками разрешалось общаться только в школе. Упаси бог кому-нибудь из них проводить одну из дочерей Габарашвили домой. Тогда уж папа Авзураг задаст ей такую трепку, что та нескоро сидеть сможет.

И вот на тебе – незнакомый мужчина, да еще и в спальне! Если кто увидит, докажи потом, что не сама его сюда привела. К тому же не похож он на одного из постояльцев. Те обычно носили шорты, майки, реже джинсы. Этот же в брюках со стрелками, какие носят отец и дед, и белой рубашке. Значит, в категорию исключения не попадает, и общаться с ним нельзя.

Как он сюда забрел, тоже непонятно. Спальня девушек находилась в самом дальнем углу правого крыла нижнего этажа, которое отвели под хозяйские нужды. Сюда специально не забредешь, надо знать, куда идти. Значит... знал.

– Так вот ты какая! – протянул он, тем самым окончательно убедив Дарью, что попал сюда не случайно.

Она в конец оробела. Ноги приросли к полу, никак не оторвать. Гость тем временем приближался. Взгляд его сделался вязким и липким, словно он не обсматривал ее, а ощупывал.

– Вам сюда нельзя... – тихонько пропищала Даша и почувствовала, что хрипнет.

– Можно, – как-то слащаво и уверенно ответил он, подошел совсем близко.

Рассматривал ее лицо, словно она и не человек, а статуя.

Дарья сжалась под его взглядом, обхватила себя руками.

– Ну-ну, – протянул он, разводя Дашины руки.

– Не трогайте, – взвизгнула она и отпрянула.

– Будь послушной! – прогремел гость и, совсем уже не миндальничая, схватил за плечи. – Не бойся, я только немного тебя поцелую!

«Своими жабыми губами?! Ага, щас!»

Даша вжала голову в плечи и стала выкручиваться. Старалась изо всех сил, только без толку. Даша не была слабачкой, но мужчина действительно оказался сильным. Он немного потряс ее, чтобы запрокинула голову, прижал к стенке и прилип к губам. Недаром показался Даше похожим на жабу: язык его, скользкий и слюнявый, словно слизью покрытый, так и норавлил проскочить между зубами, правда, зря старался, не вышло.

– Ты вкусная, Даша! – прохрипел он, отлипнув от нее через несколько бесконечно долгих секунд.

Дарья застонала, попросила отпустить, а тому, похоже, понравилось.

– Я там большой мальчик, – прохрипел он, прижавшись к ней. – Надо бы проверить, подойдешь ли...

Дарье было решительно все равно, какой он мальчик, где это загадочное «там» и откуда ему известно ее имя. Высвободиться – вот все, о чем она думала.

Не размышляя о последствиях, Даша что есть мочи стукнула его коленкой. Хотела попасть между ног, но получилось куда-то в район бедра и совсем не так сильно, как хотелось бы. Но после этого удалось освободить одну руку. Не теряя ни секунды, она хлестнула его по лицу. Прошлась бы ногтями, если бы они имелись, но чего нет, того нет. И, о чудо, почувствовала, что вторая рука свободна тоже.

Гость схватился за ушибленную щеку, вытаращился на Дашу удивленно. Не сразу сообразил, что происходит. А она проскользнула мимо и побежала прочь. Мужчина попытался ее схватить, но куда там... Даша оказалась быстрее, выскочила из комнаты и опрометью бросилась

в кабинет отца. Пробежав те бесконечно долгие пятьдесят метров, что отделяли ее спальню от кабинета, Дарья без стука ввалилась внутрь и хлопнула дверью так, что та задребезжала.

– Ты что это себе позволяешь?! – зарычал на нее Авзураг.

Здесь же сидела и Марисоль. Они расположились на диване у кофейного столика.

– Там... Там... – начала Дарья, параллельно пытаясь отдышаться, и вдруг запнулась.

Ну что она им скажет? Что ее зажал в собственной спальне какой-то мужик? Ведь ни за что не поверят. Скажут, что быть такого не может, и будут правы. Или того хуже – подумают, что она сама его привела. То, что случилось с Дашей, теперь казалось нереальным даже ей самой, словно морок. Только неприятный привкус во рту да саднящая ладонь говорили о том, что случившееся ей не привиделось.

– Сядь и расскажи толком, что случилось? – нахмурил брови Авзураг.

Дочь послушно села на стульчик рядом и посмотрела на него круглыми глазами.

– Там жаба! Жирная такая, огромная! – Она развела руками, показывая гигантские размеры твари.

Авзураг усмехнулся.

– Ладно тебе, Дарья! Большая уже, чтоб лягушек бояться.

– Лучше скажи, с Баградом виделась? – влезла с вопросом Марисоль.

– С каким Баградом?

Тут дверь открылась, вошел... ее недавний мучитель. Спокойно так зашел, как будто бояться ему нечего. Весь довольный собой. Краснота со щеки сошла как и не бывало. Видно, слабовато его Даша треснула, надо бы сильнее. Потом случилось уж совсем невероятное. Он подмигнул Дарье. Весело так, даже дружески. Похоже, совсем не обиделся.

Даша съежилась, сморщилась и тут же пожалела, что не призналась родителям в случившемся. Скажи она правду, отец схватил бы эту жабу и выбросил в окно.

– Так вы виделись? – спросил Авзураг у жабы.

– Виделись, виделись, только не представились, – подтвердил тот, потом обратился к совершенно обалдевшей Дарье: – Я Баград, Дашенька. Скоро мы с тобой поженимся!

Невеста онемела в прямом смысле этого слова. Если бы каленым железом пытали, все равно не смогла бы даже запищать. Она ошалело смотрела то на жабу, то на отца.

– Она подходит! – обратился к Авзурагу Баград. – Готовьте ее.

Мужчины пожали руки, Баград кивнул Марисоль и Даше и ушел.

Даша же осталась сидеть на месте ни жива ни мертва. Марисоль, напротив, расцвела, как летняя роза, и принялась щебетать:

– Родная, как же тебе повезло! Мы и не надеялись, что такого жениха заинтересуешь...

Авзураг жестом приказал жене замолчать и обратился к Дарье строго:

– Это его ты жабой назвала?

Дарья совершенно растерялась. Отпираться было бессмысленно, поэтому она просто кивнула.

– Соображаешь, что говоришь? Еще раз о подобном узнаю, шкуру спущу и не посмотрю, что невеста!

– Ладно тебе! – махнула Марисоль и радостно продолжила: – У него огромный дом в Подмоскovie, слуги! Будешь как сыр в масле кататься... Ну, улыбнись, Дашенька! Ты же хотела замуж!

Раньше Даша никогда не жалела, что ее удочерили. Ни разу, даже когда приходилось не спать ночами при подготовке к разным банкетам в ресторане или когда драила одно за другим все окна в этом здании, даже когда приноравливалась к взрывному характеру приемного отца и всем его правилам. А вот в тот момент пожалела сильно – так сильно, что случись ей каким-то чудом повернуть время вспять, ни за что не согласилась бы здесь оставаться.

Замуж Даша действительно хотела. Только до того как выйти замуж, она предпочла бы влюбиться или иметь возможность сделать это в будущем. Как любая девушка ее возраста, мечтала о красивой сказке, а не о жабе в качестве мужа.

Разве в жабу можно влюбиться? Это из разряда фантастики. Сколько его ни целуй, принцем никогда не станет. Тем более что Даша его целовать не хотела ни единого раза.

Она очень хотела семью – настоящую, дружную. Чтоб они с мужем друг друга ценили, обращались с лаской, с трепетом. Чтобы дом как полная чаша: с детьми, с достатком. Мечтала, как в своем жилище создаст уют всем на восхищение, как будет баловать мужа вкусностями, как будет о семье заботиться, о ней заботиться будут тоже и, конечно, любить. Ничего из этого с жабой не получится при всем желании.

– Не пойду за него, – отмерла наконец Даша.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.